Странные и прекрасные вещи происходят с каждым из нас ежедневно. Маленькие истории и значительные события влияют на нашу жизнь, наш характер, нашу судьбу. Ирландский философ, эстет, писатель, поэт Оскар Уайльд однажды сказал, что «…жизнь не делится на мелочи и важные вещи. В жизни все одинаково важно…». Рассказывая истории из своей жизни, мы делимся друг с другом своими воспоминаниями. Они бывают смешными и забавными, грустными и тяжелыми, но все равно остаются для нас важными. Газета «Вести» продолжает публикацию интересных историй из жизни простых людей нашей страны под общей рубрикой «Однажды…».

Однажды в ежевике

Я родилась в маленьком северном городке. Там, где мы жили, зима была бесконечной. Снег начинал сыпать с октября и таял лишь в конце мая. Даже летом земля была холодной. Конечно, нам не хватало тепла. Но дети старались гулять в любую погоду, а если деньки бывали теплыми, для нас это был настоящий праздник. Когда наступило лето, от подружек я услышала, что недалеко от нашего дома кто-то построил деревянную горку. Я радостно рассказала об этом папе. Он сходил на разведку и вынес вердикт: кататься с горки нельзя! Его слова меня очень расстроили, я даже не спросила причину запрета, просто заплакала и ушла в свою комнату. Надо сказать, что уговаривать моего отца было бессмысленным занятием. Если он принимал решение, никогда его не менял. Но я была его дочкой, поэтому свое решение прокатиться с горки тоже пересматривать не стала. Следующее утро было очень теплым и солнечным. Мама разрешила надеть на прогулку летний сарафан, который был куплен еще в апреле, и не надевать колготки. Я быстро собралась, поцеловала родителей и поспешила на улицу. Папа на выходе снова напомнил о запрете. Подружки с нетерпением ждали меня во дворе. Мы немного поболтали и поиграли в классики. Потом решили пойти на горку. Когда мы пришли в соседний двор, перед нами красовалась высокая деревянная, свежеоструганная конструкция. Я решила скатиться первой. Когда я забралась наверх, у меня немного закружилась голова. Но спускаться назад по ступенькам было стыдно. Присев поудобней, я оттолкнулась и покатилась вниз. Внезапно я почувствовала сильное жжение в ногах. Вскрикнув от боли, я схватилась руками за борт горки, но остановиться уже не смогла. Руки тоже стало жечь. Вся в слезах я доехала до конца. Подружки испугались и подбежали ко мне. Оказалось, доски были не обработаны, и пока я летела, в мои голые ноги и руки воткнулись десятки деревянных заноз. Болела кожа, кровь испачкала новый сарафан, но самым страшным была мысль, как я

расскажу отцу, что нарушила его запрет. Собравшись с духом, вытерев слезы, я направилась домой. Дверь открыл папа, увидев меня поцарапанную, в крови он побелел и тихо спросил: «Каталась с горки?» Я кивнула головой и разрыдалась. Отец нежно обнял меня, поцеловал в макушку, и сказал: «Бедная моя девочка, сейчас мы все исправим». Конечно, я не поняла, что это значит, но спрашивать не стала, просто попросила прощения. Мама была в парикмахерской, поэтому операцию по извлечению заноз из моей кожи отец проводил сам. Он набрал полный таз теплой воды, взял иголку от шприца, вату, зеленку и мамины щипчики. Посмотрел на меня и сказал, что очень любит меня, что нужно потерпеть, потому что будет больно. Тридцать минут превратились в вечность. Какие-то занозы были на поверхности, но большинство впились очень глубоко. Слезы ручьем текли по моим щекам. Папа все время говорил теплые, нежные слова и сказал, что когда все закончится, расскажет очень интересную историю из своего детства, нужно только еще потерпеть. Раны прижгли зеленкой, глубокие – перевязали бинтами. Он посадил меня рядом, вытер слезы, показал длинный шрам на внутренней стороне своей левой руки и начал рассказ.

В детстве папа жил на юге. В его летний гардероб входил очень простой набор одежды: белые майки, шортики и сандалики. Гуляли мальчишки с раннего утра до позднего вечера, обедать, естественно, было никого не загнать. Питались мальчишки тем, что добудут сами. Фрукты и ягоды на улицах не успевали созревать, их лопали еще зелеными. Но каждый мальчишка стремился добыть самые сладкие и спелые дары природы. Папа с детства обожал ежевику. Внешне она похожа на малину, но большего размера, темно-синего цвета, безумно сладкая и сочная. Стебли ежевики были усеяны крепкими шипами длиной около 3 см. Листочки похожи на папоротник, только они расположены значительно реже. Поэтому зелень была почти не видна на кустах. Моя бабушка, как все женщины того поселка, собирала ежевику, чтобы заготовить на зиму компоты. Эта божественная ягода росла во влажных местах, где часто таились змеи. Поэтому детям было запрещено одним ходить к горным рекам за ягодой. Бабушка надевала резиновые сапоги (чтобы змея не прокусила ноги), брезентовую куртку (чтобы шипы не поранили руки) и отправлялась на заготовки. Однажды папа поспорил с мальчишками, что наберет самую вкусную и спелую ягоду, и отправился к горной реке. От нее по склону вниз была уложена труба, прямо к старой заброшенной мельнице. Когда-то давно люди построили огромный желоб, чтобы быстрый поток крутил лопасти мельницы, а те приводили в действие жернова. Но со временем мельницей перестали пользоваться, а желоб зарос огромными кустами ежевики. Папа увидел усыпанные ягодами кусты и решил подобраться к ним поближе. Он залез на желоб и только там понял, что расположена эта конструкция на высоте более 5 метров. Но это его не остановило. Он потянулся за самой красивой ягодой, потерял равновесие и рухнул с пятиметровой высоты в густые и колючие заросли. Шипы вонзились в тело, разодрав одежду и кожу. С одной стороны, кусты смягчили падение, с другой – превратились в западню, в которой нельзя было пошевелиться, не причинив себе сильную боль. Но надо было выкарабкиваться из колючего капкана. Шестилетний мальчишка закрыл глаза руками и стал продираться наружу. Жуткая боль пронизывала тело после каждого шага. Освободившись от колючих объятий кустов, папа весь в крови и

лохмотьях отправился домой. Раны были очень глубокими, кровью было залито почти все тело. Волосы на голове тоже были алыми. На палящем солнце кровь быстро запеклась, усугубляя и без того жуткий вид. Когда бабушка его увидела, она страшно испугалась и начала плакать. Она не верила, что шипы могут так сильно раскроить тело. Наполнив большой эмалированный таз водой она стала аккуратно обмывать своего сорванца. Папе было больно, но больнее было от слез своей мамы, которые ручьем текли прямо в таз. После обработки ран зеленкой, ее чадо напоминало теперешнего Шрека: практически все тело было зеленым. Когда дедушка пришел домой со службы и увидел моего папу, он молча достал ружье и собрался перестрелять соседских собак. Бабушка схватила его за руки и стала умолять поверить в то, что их сынок упал в кусты ежевики, и что собаки здесь не причем. Я обняла папу, мне было его безумно жалко. Мне казалось, будто я почувствовала его боль и даже на какое-то время позабыла про свою. Когда мама вернулась домой, я уже спала. Утром ее страдания выдали только заплаканные глаза.

Следующую неделю я просидела дома, пока не зажили раны. Меня мучил один вопрос, неужели папина ягода стоила таких страданий.

Через несколько лет мы поехали отдыхать на юг. На первый завтрак в чудесном городе папа принес полную миску ежевики. Может, потому, что я очень люблю своего отца, может, потому, что я очень долго о ней думала, но ничего вкусней и слаще мне никогда не доводилось пробовать.

Да, еще забыла сказать. Мой отец ту злополучную детскую горку вместе со своими друзьями привел в порядок и покрасил. Кататься стало безопасно, но прошло еще немало времени, прежде чем я решила еще раз скатиться с нее. Слишком болезненным оказалось воспоминание.

Однажды в гостях

В своей семье я был единственным ребенком. Но мне всегда хотелось, чтобы у меня был брат. Брата по крови высшие силы мне так и не дали, но по духу он у меня был. С

Андреем мы познакомились в школе. С первого класса мы сидели за одной партой. Все и всегда делали вместе. Когда мы пошли в пятый класс, у Андрея родилась сестренка Анечка. Маленькая, смешная большеглазая малютка стала объектом обожания для всех вокруг. Она росла у нас на руках. Когда стала постарше, увязывалась с нами гулять. Она знала все наши тайны, вместе с нами жевала гудрон, лазила по заборам и крышам домов, любила кататься на велосипеде. После окончания школы мы с Андреем исполнили свою мечту: поступили в высшее военно-морское училище. После первого курса не стало моего отца. Мама решила перебраться в город, где я учился. Отпуска я проводил с мамой, Андрей летал домой, в город, где вырос. Когда мы окончили третий курс, Аня пошла в первый класс.

После окончания училища мы разъехались к разным местам службы. Но связи не теряли. Мне всегда было приятно получать письма от лучшего друга. Никто из нас никогда не жаловался на тяготы и лишения воинской службы. Первые пять лет были самыми сложными. Нам некогда было жить для себя, мы служили и гордились делом, которым занимались. Служба на кораблях оставляет мало времени для личной жизни. Мои сослуживцы старались строить семьи, но немногим из них удавалось надолго сохранить семейный очаг. Я мечтал о том, как встречу свою единственную женщину, свою вторую половинку. Как вместе мы будем гулять по набережной, ходить в кафе, наслаждаться друг другом, растить наших детей. Об этом же мечтал мой друг. Но время шло, а мечты не сбывались. Были встречи, даже привязанности, но все было не то. Мы прослыли заядлыми холостяками. После десяти лет службы моему другу несказанно повезло, он наконец-то влюбился. Его избранницу звали, как и его сестричку, – Аня. Андрей пригласил меня на свадьбу. Я был очень рад такой прекрасной возможности повидаться с ним. Согласовав на службе свой пятидневный отпуск, я быстро собрал чемодан, накупил гостинцев и отправился в город, в котором не был 15 лет.

О дне своего приезда Андрею я не сказал, решил сделать сюрприз. В день, когда я прилетел в город нашего детства, ярко светило солнышко. Получив багаж, я направился в гостиницу, где заранее забронировал номер. И мне захотелось погулять по знакомым с детства местам. В воздухе пахло свежескошенной травой. Легкий аромат лип щекотал ноздри. Город почти не изменился, только стал чище, ухоженней. Заброшенный фонтан около моей гостиницы оброс мхом, кое-где сквозь плиты пробивалась трава. Всюду цвели цветы. Тополиные прутики, которые мы посадили возле школы, превратились в великанов. На улицах звучала музыка, девчонки во дворах прыгали через скакалки, мальчишки играли в мяч. Казалось, будто бы не было этих 15 лет. По дороге к дому Андрея я увидел большой цветочный магазин. Гостинцы остались в чемодане, а с пустыми руками я не привык ходить в гости, поэтому решил преподнести цветы маме Андрея. Она недавно вышла на пенсию и должна была находиться дома. По словам Андрея, сестра Анютка появится дня через два (сдает сессию), невеста Анна жила еще со своими родными, так что нужен был лишь один букет. Когда я подошел к двери дома Андрея, мое сердце вдруг стало биться чаще, я почувствовал волнение. Эти ощущения

были очень странными, много лет мне не приходилось испытывать подобного. Я позвонил, дверь открыла прекрасная молодая девушка. От неожиданности я даже растерялся. «Добрый день», – сказала незнакомка. Ее голос звучал, как музыка. На меня смотрели большие глаза цвета небесной голубизны. Русые волосы на свету давали легкий рыжеватый оттенок, я заметил маленькие веснушки на аккуратном носике, но они совсем не портили девушку. «Вам кого?» «Здравствуйте, я друг Андрея», – тихо выдавил я. Девушка улыбнулась и сказала, что ее зовут Аня, и что Андрея срочно вызвали на службу, но мне можно остаться и подождать его. В доме был сделан прекрасный ремонт, стояла новая мебель, а о прошлой жизни напоминала лишь курсантская фотография, где мы с Андреем стоим вдвоем на фоне учебного корпуса. Пахло свежей выпечкой. Аня пригласила меня в кухню попить чаю. Чтобы поддержать разговор, я спросил, когда прилетает Анютка. Девушка вдруг, улыбнувшись, сказала, что не знает, но на свадьбе она обязательно будет. Родители решили съездить на пару дней на дачу, поэтому Анне нужно было присмотреть за домом. Я понял, что эта красавица – невеста моего друга. Мне было радостно за его выбор, но в глубине души ворочалась маленькая-премаленькая зависть: уж больно хороша была его невеста. Мы сели пить чай. Будущая жена Андрея оказалась прекрасной хозяйкой, она заботливо ухаживала за мной и все время спрашивала о моем детстве, о сестре, о том, как я прожил все эти годы. Я говорил с вдохновением, легко и непринужденно. Не скрою, невольно старался произвести впечатление на собеседницу. Мне было хорошо и очень тепло рядом с ней на залитой солнцем кухне. Она сама была как солнышко. Незаметно пролетело несколько часов, мне не хотелось уходить, но оставаться допоздна с невестой друга было неприлично. Собеседница не хотела меня отпускать и просила дождаться Андрея. Только после обещания, что приду завтра, Анна проводила меня до дверей. Я вышел из дома и понял, что совершенно ничего не узнал о самой Анне. В своем номере я разобрал вещи, достал гостинцы и лег спать. В моей душе было столько впечатлений, что заснул я только под утро.

Проснулся, когда время близилось к обеду. Настроение было чудесным, я быстро собрался и отправился в гости. Анна встретила меня на улице в красивом платье бирюзового цвета. Легкий аромат ее сладковатых духов кружился в воздухе и приятно дразнил мое обоняние. Из аккуратно уложенной копны густых волос сбегала по изящной шее одна непослушная прядь.

Андрея, как выяснилось, не отпустили со службы, там случилось какое-то происшествие. Анне нужно было съездить на рынок, и я предложил свою помощь. В транспорте мы толкаться не стали, решили пойти пешком. Моя собеседница снова принялась расспрашивать обо мне. Я рассказывал о людях, с которыми был знаком, о городе, где прожил уже много лет, о маме, которая больше не вышла замуж и хотела поскорее увидеть внуков. За разговорами мы совсем позабыли о времени. Рядом с ней было ощущение, будто в жару я пью сладкую ключевую воду и никак не могу напиться.

Все дела были все завершены, покупки сделаны. Меня снова ждала гостиница.

Всю ночь я не спал: тело бросало то в жар, то в холод. Мое сердце никогда прежде так не болело. Утром я понял, что влюбился в невесту своего друга и не могу, не хочу быть на его свадьбе. Мне предстояло увидеть их поцелуи. Мое сердце готово было разорваться от боли. Приведя себя в порядок, я отправился в авиакассы, чтобы поменять обратный билет на ближайшую дату. Но отпускной сезон был в разгаре, обменять билет мне не удалось. Бесцельно я бродил по улицам, ничто меня больше не радовало. Нужно было собраться и встретиться с Андреем, придумать причину, по которой приходится так быстро уехать. Взяв подарки, я дождался вечера и отправился в гости. Дверь мне открыл мой названный брат. Мы обнялись как родные. Набрав побольше воздуха, я выдохнул несколько слов – признался, что влюбился в его невесту и поэтому не могу присутствовать на его свадьбе. Третий должен уйти. Андрей озадаченно посмотрел на меня: «Моя невеста только что приехала, вы еще с ней не знакомы», – промолвил он.

– «А как же Аня?», – почти выкрикнул я.

– «Какая Аня?»

– «Да вот же она», – показал я в сторону девушки, в которую уже был влюблен целых два дня.

В воздухе повисла секундная пауза: «Ты что, не узнал? Это же наша Анютка, сестра моя. Она экстерном сдала экзамены и приехала пораньше, чтобы помочь с организацией свадьбы».

С души словно камень свалился. Стало легко и радостно. После вручения притворщице огромного плюшевого мишки меня повели знакомиться с настоящей невестой (к слову сказать, она мне совсем не понравилась). Затем все вчетвером мы отправились поужинать в ресторан на набережной.

Анютка призналась, что решилась на злую шутку из-за того, что я ее не узнал. Она призналась, что любила меня с самого детства, а я ей даже не писал. Месть удалась на славу. В конце того же лета мы стали мужем и женой. Как же долго я искал дорогу домой, как же близко оказалось мое счастье. Когда моя жена забеременела, мама облегченно вздохнула: «Слава Богу, дождалась…», и перекрестилась.

Ариша ЗИМА